

— Не может быть, — глаза Шэнь Чжоу покраснели. — Вы же обещали дождаться, пока я закончу учебу, увидеть, как я вырасту.

Голос его дрогнул, и он смахнул слезу, скатившуюся по щеке:

— Я еще не вырос, не уходите так скоро.

Мутные глаза дедушки вдруг наполнились прозрачной влагой, и слезы одна за другой упали на белоснежную больничную простыню.

— Больше всего я беспокоюсь о тебе, — тяжело вздохнул дедушка. — Тебе еще несколько лет учиться. Закончишь школу, потом, наверное, поступишь в университет?

— Совсем скоро. Все пройдет быстро, — соврал Шэнь Чжоу. — Осталось всего два-три года.

— Чжоу, не будь таким своевольным, — дедушка крепко сжал его руку. — Наша семья не похожа на другие, твой характер может тебе навредить.

Шэнь Чжоу кивнул:

— Вы хорошо кушайте, слушайтесь врачей, а я буду послушным, договорились?

Дедушка помолчал некоторое время, прежде чем заговорил:

— Дожив до моего возраста, можно считать, что жизнь прожита достойно. Старый Чжуан уже ушел, и я остался здесь один, старый упрямец, в этом уже нет смысла.

Шэнь Чжоу, слушая это, почувствовал, как на душе становится все тяжелее, и крепче сжал руку дедушки:

— Вы еще молоды.

Едва он произнес эти слова, как в палату вошла медсестра, бросив на них взгляд:

— Пациенту пора принимать лекарства.

Затем толпа людей окружила дедушку, чтобы помочь ему с лекарствами, оттеснив Шэнь Чжоу в сторону.

Вечером, после ужина, дедушка захотел побыть один и попросил всех выйти.

Шэнь Чжоу остался ночевать в комнате для родственников пациентов, заснув лишь под утро. Ему приснился кошмар, от которого он проснулся в холодном поту.

И тут он услышал шум у двери, которая распахнулась, и кто-то крикнул:

— Шэнь Чжоу, вставай, с твоим дедушкой что-то не так.

Его сердце упало в пропасть.

Чуть позже трех часов ночи у дверей палаты начальника Цинь выстроились в два ряда мужчины в черных костюмах.

Все молчали, их лица были серыми, и выражение их было неразличимо.

Несколько старших тихо обсуждали что-то, и Шэнь Чжоу, обернувшись, увидел, что вернулся дядя, долгое время живший за границей, а рядом с ним стояла изысканная женщина — его мать, Цинь Ли.

Цинь Ли, увидев его, лишь мельком взглянула и продолжила разговор с дядей.

«Наследство», «юрист» — Шэнь Чжоу ловил отдельные слова. Он с отвращением нахмурился. Еще даже не похоронили, а уже начали делить наследство.

— Говорят, старик еще при жизни составил завещание, — Цинь Ли, держа в руке дизайнерскую сумочку, с холодным выражением лица сказала, подведя глаза черным карандашом, что придало ее изысканным чертам еще больше строгости. — Нам спорить бесполезно.

— Устное завещание не имеет силы, разве старик мог понять такие вещи? — Жена Цинь Чао бросила на нее взгляд. — Ли-ли, ты вернулась как раз вовремя, и братец тоже. Какое совпадение.

— Что ты имеешь в виду! Когда старик составлял завещание, был приглашен юрист, и оно имеет юридическую силу. Не признавать его — значит нарушать закон. Цинь Ли, едва прибыв в больницу, сразу же выяснила, что содержание завещания было крайне выгодным для нее. Старик оставил две трети своего имущества ее сыну, Шэнь Чжоу.

— Я ничего не имею в виду. Я простая женщина, не такая искусенная в делах, как вы, бизнесмены, умеющие говорить и влиять на мнение. Водила старика за нос. Закончив эту фразу, она задела всех присутствующих бизнесменов.

Цинь Чао с ненавистью посмотрел на нее:

— Замолчи! Обсуждать такое у дверей больницы, не стыдно?

Старшие разговаривали, и Шэнь Чжоу не мог вмешаться. Он сидел на скамейке, не двигаясь, и его чувства были настолько сложны, что невозможно было выразить словами.

Посидев некоторое время, он почувствовал беспокойство. Шэнь Чжоу встал у больничного окна, закутавшись в пуховик. Взял телефон и не удержался, чтобы не позвонить Ци Шаню.

— Алло?

Прошло много времени, прежде чем трубку взяли, и голос Ци Шаня явно выдавал сонливость, слова были неразборчивы.

Услышав его голос, Шэнь Чжоу вдруг не смог говорить.

— Чжоу? Ты на связи?

Ци Шань на самом деле почти не спал этой ночью, закончив дела в магазине, он отвез Сюаньсюаня к доктору Цзи.

Доктор Цзи был в отпуске и все эти дни находился дома.

Он немало помогал с лечением Сюаньсюаня, иначе болезнь не удалось бы контролировать так стабильно.

Пока Сюаньсюань проходил сеанс массажа в кабинете доктора Цзи, Ци Шань сидел во дворе с Большим Псом, и тот вдруг спросил, почему он так часто стал общаться с Шэнь Чжоу.

В тот момент он почувствовал невероятное волнение.

Он опустил голову в ночи и затянулся сигаретой.

— До встречи с Шэнь Чжоу я был как человек, идущий в темном туннеле, нащупывая путь, и вдруг я увидел свет. Этот свет исходил от Шэнь Чжоу. Благодаря его свету, я смог осветить свой путь.

Большой Пес не понял его, покачал головой:

— Не понимаю.

— Раньше я тоже не понимал, — усмехнулся Ци Шань. — Но теперь, поняв, я больше не могу отпустить.

— Да. Я слушаю.

Ци Шаню показалось, что прошла целая вечность, прежде чем Шэнь Чжоу наконец заговорил.

— У тебя что-то случилось?

Услышав голос Шэнь Чжоу, его сердце сразу же замерло, что-то было не так.

— Ничего, просто чувствую себя очень подавленно, — вздохнул Шэнь Чжоу. — Просто хотел услышать твой голос.

— Где ты сейчас, я приеду, — Ци Шань уже натягивал одежду. — Скажи адрес.

— Не приезжай, — тихо сказал Шэнь Чжоу. — Я не в Цзиньчэне.

— Ты вернулся к дедушке? — настаивал Ци Шань. — С твоим дедушкой что-то случилось?

— ...

Иногда приходилось поражаться способности Ци Шаня к логике. Если что-то происходило, он почти всегда угадывал.

— Где дом твоего дедушки, скажи адрес, — голос Ци Шаня был тверд, в нем чувствовалась непреклонность.

— Не шути, это далеко.

— Скажи.

— Продолжай спать, не суетись.

— Скажи, — Ци Шань не сдавался, произнося каждое слово с нажимом. — Быстрее.

— Не дури, — мягко уговаривал его Шэнь Чжоу. — Будь умницей.

— Если не скажешь, я спрошу Чжуан Линя, пока он не заговорит.

— Ладно, — вздохнул Шэнь Чжоу и сказал адрес.

— Жди меня.

Один звонок — и он без колебаний отправился из Цзиньчэна, выехав посреди ночи.

Шэнь Чжоу почувствовал, как его тронуло это:

— Шань, не будь таким добрым ко мне.

Иначе я могу неправильно понять.

— Раньше ты заботился обо мне, теперь я забочусь о тебе. Мы заботимся друг о друге. Хоро...

— Ци Шань сделал паузу, прежде чем продолжить. — Хорошие друзья, разве не так?

Старик Цинь до мелочей распорядился своими похоронами, в завещании даже указал, что хочет быть кремирован и похоронен в деревне.

Он написал, что не может расстаться с военной шинелью, которая была с ним больше десяти лет, и хочет, чтобы ее сожгли вместе с ним.

Кроме этой шинели, он почти не упомянул своих родных. У старика было много внуков и детей, но их связь с ним была слабее, чем с этой старой шинелью.

Несколько дядей пригласили деревенского повара для организации поминок, Шэнь Чжоу тоже помогал расставлять столы, а после работы разжег во дворе бабушки угольный костер.

Древесный уголь горел ярко, издавая тихий треск.

Он протянул руки над пламенем, держа во рту сигарету, и смотрел на метель за воротами. Из снега вышел человек.

Чистые и глубокие черты лица, взгляд, направленный на него, был сосредоточенным.

Шэнь Чжоу узнал черный пуховик Ци Шаня и помахал ему, приглашая подойти погреться.

Ци Шань привычно поднял бровь:

— С утра пораньше куришь, не жжет горло?

Шэнь Чжоу не ел со вчерашнего дня, желудок был пуст. Утром он даже не выпил воды, только хлопотал, а дяди сейчас ели в доме и только что звали его. Шэнь Чжоу сделал вид, что не услышал, и продолжал сидеть у ворот, греясь у костра.

— Нормально, — Шэнь Чжоу заговорил, и голос его был хриплым.

Ци Шань выдохнул и сел рядом:

— Соболезную.

— Спасибо. Шань, — Шэнь Чжоу опустил взгляд и увидел, что руки Ци Шаня уже покраснели от холода, и ему стало интересно. — На чем ты приехал?

Ранним утром в деревню не ходят автобусы, неужели Ци Шань приехал на мотоцикле?

— На мотоцикле, — усмехнулся Ци Шань. — Дорога была скользкая, я упал.

Насколько же скользкой должна была быть дорога, чтобы Ци Шань упал.

<http://bllate.org/book/16828/1547677>